

— Лена-сан, а Миша Крадажён вам кем приходится?.. Да? Тогда вы можете звать меня дядя Егор, или дядя Жора!

Забегая вперед, скажу, что никогда за все время знакомства с Георгием Георгиевичем Пермяковым я не назвала его ни дядей Егором, ни дядей Жорой. Даже помыслить об этом не могла.

Я начала заниматься японским языком по вечерам в хабаровской школе № 62 у Георгия Георгиевича Пермякова. Было это в 1992 году. После работы — лекции и семинары на филфаке пединститута — тащила из садика полторагодовалого сына к родителям, пила растворимый кофе (бр-р-р!) и бежала на уроки Пермякова.

Пришла из любопытства — услышала от студентов-японистов об оригинальном преподавателе. Пришла, попросила разрешения присутствовать. Свободное место, как водится, было за первой партой. После второго занятия поняла, что не уйду. С Георгием Георгиевичем было интересно и... весело. В 90-е это было удивительно.

Группа собралась разновозрастная: и школьники, и студенты, и взрослые. Георгий Георгиевич Пермяков поразил меня необычной методикой проведения занятий. Он всегда говорил о том, что сегодня случилось, со ссылкой на источник — центральную газету (прототип школьной политинформации, если кто-то еще помнит, что это такое), и что было в этот день, допустим, в 1938 году.

Мы непременно занимались каллиграфией, и Георгий Георгиевич, прямо как школьный учитель, собирал наши школьные тетради в двенадцать листов с домашними заданиями, написанными особым пером «редис» черной тушью, и честно проверял и выдавал с отметками на следующем занятии. По первому высшему образованию я учитель русского языка и литературы, поэтому, что такое «проверка тетрадей», знала не понаслышке. И за это еще больше уважала Учителя. Тетрадей должно было быть две: № 1 и № 2. Тонкие, чтобы Учитель уносил их домой в портфеле. Портфель был обязательным аксессуаром: в нем на занятия прибывали не только тетради, но и распечатки материалов. Печатал Пермяков всегда сам, дома, на печатной машинке, потом выдавал ксерокопии каждому.

Георгий Георгиевич разучивал с нами японские анекдоты, сказки. Он был убежден: язык нужно знать в книжной письменной и в устной разговорной форме. Бытовая речь сказок и анекдотов с начинкой из фразеологизмов запоминалась лучше, чем материал учебников.

Вся группа усваивала и сдавала двести четырнадцать «ключей» — базовых иероглифов. Сдавали их «десятками» и «двадцатками». Георгий Георгиевич сам был личностью творческой и приветствовал творческий подход к учебе: он очень хвалил на наших занятиях Гошу Бурлова (Егора), который для запоминания ключей

писал двустишия и четверостишия. Сегодня Егор Бурлов — известный и успешный дипломированный дальневосточный переводчик.

Помню, Пермяков и свои мнемонические стихи нам читал, когда рисовал иероглифы на доске: «Три тюка товара / Привезли с базара». Объяснял принципы запоминания сложных иностранных слов. Сам Георгий Георгиевич был полиглотом: активно пользовался японским, китайским, в том числе знал архаичное письмо, умел читать одиннадцать тысяч старинных иероглифов. Преподавал в мединституте латынь и греческий, писал по-английски.

Больше всего в его занятиях мне нравилась страноведческая составляющая, с которой начинался каждый урок. Георгий Георгиевич рассказывал о нравах и быте Японии и Китая с такими мельчайшими бытовыми подробностями, о которых не прочтешь в специальной литературе, приносил на занятия для иллюстрации деталей акварели и рисунки карандашом, часть из которых были авторскими, выполненными во время жизни в Китае до Второй мировой войны.

Энциклопедией этих стран была сама жизнь Георгия Пермякова, полная тайн и приключений. Судьба распорядилась так, что мальчик, родившийся в ноябре 1917 года в хорошей семье в Никольск-Уссурийске, четырехлетним малышом оказался в Китае, вырос там и получил образование. Пережил вторжение японцев в Китай, начал работать в советском консульстве, вошел как один из организаторов в штаб обороны Харбина, в 1945-м вернулся в Советский Союз, стал переводчиком императора Китая и Маньчжоу-Го Айсінгеро Пу И.

Георгий Пермяков был участником нескольких громких процессов конца 40-х годов над военными преступниками.

Позже он взялся за литературное творчество под псевдонимом Георгий Ланин, много публиковался в журнале «Дальний Восток», писал фантастические повести, изучал биографию В. К. Арсеньева. Как биограф В. К. Арсеньева опросил всех его родственников и знакомых — более сорока человек — и написал о нем книгу «Тропой женьшеня». Георгий Пермяков интересовался судьбами людей и написал десятки очерков о дальневосточниках. Попал еще в один круговорот истории — в 1990-е. В эти годы исчезло с карты государство, в которое он вернулся из Харбина после Второй мировой войны, — Союз Советских Социалистических Республик. За время его жизни страна менялась многократно. Разговаривать с ним было захватывающе интересно.

Человек чрезвычайно дисциплинированный, Георгий Георгиевич придерживался строгого распорядка в жизни, был исключительно пунктуален и работоспособен. Он призывал нас, своих учеников, вести дневник, потому что это элемент самодисциплины. Помню, кто-то в группе спросил: «А о чем писать, если каждый день одно и то же?» Георгий Георгиевич ответил: «Открывай дневник, записывай вверху страницы дату и какая в этот день погода, какая температура воздуха. Когда-нибудь это станет кусочком истории».

Большим куском истории Дальнего Востока, который еще требует осмысления и исследования, стала сама жизнь Георгия Георгиевича. Но это — дело историков и архивистов, а я продолжаю свои воспоминания, которые назвала «Мой Георгий Пермяков».

Георгий Георгиевич был щеголем (или франтом?): на занятия являлся заранее, всегда тщательно выбритый и безукоризненно одетый. Отглаженные костюмы и рубашки, до блеска начищенные туфли. У него были принципы, в том числе в быту. Иногда это называли чудачествами. Пермяков предпочитал ездить на занятия на трамвае. Даже когда у его учеников появились личные авто и они наперебой предлагали подвезти его, он привычно шагал к остановке на институте культуры. В транспорте стоял. Я как-то спросила почему. Ответил: «Вдруг войдет дама или человек старше меня». Спал на балконе в тулупе на двух матрасах-футонах (что-то среднее между стеганым одеялом и матрасом) и укрывался двумя стегаными одеялами и другим

футоном, о чем нам с гордостью в начале занятия рассказывал. В дождь ходил без зонтика и с непокрытой головой. В почтенном возрасте танцевал классические танцы и нам советовал не пренебрегать ими. Обучал ребят хорошим манерам, танцевал вальс, был профессионалом в двадцатиборье: катался на коньках, прекрасно плавал, прыгал в высоту, с шестом, увлекался греблей, боксом и другими видами спорта.

Однажды на занятии в группе я попросила сэнсэя рассказать о себе подробнее. Группа меня бурно поддержала, потому что Георгий Георгиевич сказал о каком-то интересном факте и перешел к теме занятия. Нам хотелось продолжения истории. Сэнсэй обещал сделать это в день своего рождения.

В день рождения, в ноябре, когда многие уже забыли о разговоре, Георгий Георгиевич пришел нарядный, принес фото и акварели и подробно рассказал о себе. У нас в классе три человека включили диктофоны и маленькие магнитофоны. Я сидела за первым столом с Натальей Болдовской — доцентом кафедры английского языка Хабаровского пединститута (позже — Педагогического университета и далее — ДВГГУ, ныне — Педагогического института ТОГУ). Наталья включила маленький магнитофон, мы договорились, что позже она поделится записью. Я записывала рассказ в тетрадь. К сожалению, Наталья Болдовская уехала из Хабаровска к дочери в Москву. Надеюсь, что в ее семейном архиве хранится запись того занятия. Может, откликнется кто-то еще из группы 1992–1993 года.

Георгий Георгиевич рассказал, как в Гражданскую войну они всей семьей выехали из Никольска (ныне Уссурийск) в Китай. Как мальчишкой встретился случайно в парке Тяньцзиня с опальным императором Китая Айсингеро́ Пу И, как познакомился в Китае с Рихардом Зорге. Рассказывал и о личной жизни: о первом неудачном браке «с Леночкой» в Харбине, где работал в советском консульстве. О втором браке — «с Риммой». Георгий Георгиевич удивил нас тем, что честно рассказывал о своих проблемах, ничего не приукрашивая.

Говорил, что абсолютно счастлив теперь: прекрасная семья, дочь, внуки. С Анной Павловной он прожил пятьдесят два года. С теплотой говорил о супруге — как познакомился в Хабаровске в пединституте, как поженились в 1953 году. Рассказывал, что Анна — замечательная хозяйка, печет чудесные пирожки. Гордился тем, что дочь Алла учится в Дальневосточном институте иностранных языков, окончила филфак пединститута. Он видел в Алле свое продолжение. Рассказал забавную историю о том, как внучка его — бесстрашная, вся в деда, — когда в школе откуда-то выскочила крыса и все бросились врассыпную, включая учительницу, не растерялась и чем-то в крысу кинула.

Небольшое отступление. Обратимся к тексту, предоставленному дочерью Г. Пермякова Аллой Сумской (Пермяковой), из автобиографии Г. Г. Пермякова: «В 1921 году мы приехали в Тяньцзинь, что в 7 милях от Пекина. ... Мне нравился тихий и спокойный японский парк Тяньцзинь, там было мало народу. Там были искусственные насыпные горки и небольшой храмик. Был пруд с лотосами, цветы которых я пытался достать, лепестки этого божественного цветка встречают утреннюю зарю, а листья — солнце. Однажды я балансировал по краю каменного прудика, пытаясь в очередной раз достать цветок, и нечаянно плюхнулся в воду. Кто-то за моей спиной заразительно громко захохотал, это был молодой китаец лет 25–26 на вид в длинном светлом халате, в темных очках и китайской шапочке-плюмаж, с охраной. Тогда на радость ему я еще раз нарочно плюхнулся в воду, он дико захохотал вновь. Дома я рассказал об этом случае маме. Она сказала, что это китайский император Пу И из маньчжурской династии Цин, его еще в детстве свергли с престола и выселили из дворца, и сейчас он живет в Тяньцзине. Жизненный путь экс-императора был так своеобразен, что судьбе было угодно свести нас через 20 лет в Хабаровске, на спецобъекте № 45. Я рассказал ему о нашей встрече

в Тяньцзине в 1925 году в японском парке, и он вспомнил меня, обрадовался, протянул мне руку, с тех пор у нас установились добрые и доверительные отношения».

На «спецобъекте 20-45» служил мой отец — Михаил Крадажён, боевой офицер, получивший тяжелое ранение на Курской дуге и направленный после года госпиталей на Дальний Восток. Переводы осуществляли несколько военных переводчиков. За императором Пу И был закреплен Георгий Пермяков. Пермяков был направлен в Хабаровск из Харбина, так как в 20-е годы, проживая в Китае, как следует из его автобиографии, однажды повстречался с Пу И. Эта давняя встреча в Тяньцзине, о которой напомнил Пермяков, помогла установить контакт с важным свидетелем накануне сложных процессов над военными преступниками.

В Хабаровске «спецобъект 20-45» находился в самом центре города, рядом с нынешней мэрией, за углом педагогического института, на улице Дикопольцева. Ранее адрес этот значился как «ул. Саперная, 42». После войны улица была переименована в честь Героя Советского Союза Евгения Дикопольцева. Добавка «20» перед номером спецобъекта означала, что его контролирует лично И. В. Сталин. Общение Сталина и последнего императора Китая осуществлялось благодаря переводчику Г. Г. Пермякову.

Забавные подробности всплывают в памяти, из них складывается объемный портрет Георгия Георгиевича Пермякова, совестливого и доброго человека. Он не получал пенсию до почтенного возраста: считал, что хорошо зарабатывает и не должен «сидеть на шее у государства» — это его слова.

В 1998 году сэнсэй сломал ногу. По-моему, в марте. Вынужден был временно прекратить преподавание после операции. Я помню, как приехала к нему домой навестить его в пятиэтажке на Заводской. Жена открыла дверь, пригласила войти. Георгий Георгиевич выглядел бодро, сидел на диване, укрывшись до пояса, рассказывал, что уже доходит до почты (?!). Я «сохранила лицо», не высказав вслух удивления. Два года жизни в Японии приучили к сдержанности. Сэнсэй, видимо, ждал иной реакции. Помолчав, он весело сказал: «Все удивляются, думают, что дед с ума сошел — я же по лестнице еще не спускаюсь, а вы, Лена-сан, ни о чем не спрашиваете». Я смутилась. Он продолжил: «Я в своем уме — я точно знаю, сколько шагов до почты. Я их делаю с опорой по квартире и считаю. Вот и говорю: сегодня я впервые после больницы дошел до почты! Это мой рекорд».

После этой серьезной травмы Георгий Георгиевич восстановился и продолжил преподавать, писать. Я всем студентам рекомендовала посещать уроки по иероглифике у Георгия Георгиевича Пермякова. Иногда просила, чтобы он кого-то включил в группу. Однажды он мне сказал: «Лена-сан! Я уже старый человек. Не присылайте мне больше учеников: я вынужден отказывать, а отказывая, наживаю врага. Мне это уже не по силам».

Однажды Георгий Георгиевич попросил о консультациях по русскому языку для своего ученика. Я с удовольствием выполнила просьбу сэнсэя. Прошло немного времени, и летом, в страшную грозу, в дверь комнаты в общежитии пединститута, где мы тогда жили семьей, раздался стук. Я открыла — на пороге стоял мокрый до нитки Георгий Георгиевич с огромным букетом роз. Мы стали уговаривать его переодеться в сухой спортивный костюм — безрезультатно. Завернули его прямо в одежде в детскую махровую простыню (она была больше, чем банное полотенце), напоили горячим чаем с шоколадными конфетами (очень любил шоколад!) — и он опять ушел в ливень.

А пенсию он все-таки получил — его работа по краеведению, преподавательская деятельность были засчитаны в трудовой стаж. Вот такие удивительные истории из жизни Георгия Пермякова.

...Почти десять лет я преподавала русский как иностранный в странах Юго-Восточной Азии: в Японии, в Республике Корея и в Китайской Народной Республике.

Много раз с благодарностью вспоминала Георгия Георгиевича Пермякова — его рассказы о быте азиатских стран, об обычаях не раз выручали меня. Случались и курьезы.

Георгий Георгиевич рассказывал нам (больше, конечно, юношам), что у переводчика всегда должна быть ясная голова и мгновенная реакция. Именно поэтому на приемах нельзя пить ничего, кроме шампанского. Бокал следует держать в руке и имитировать глоток. Шампанское выбирать сорта «брют», если есть выбор. К нему — шоколад. Лучше пить свежевыжатые соки и минералку. В Японии — не газированную. Если предлагают закуски, не рекомендовал брать бананы — «еду бедняков», даже если бананы — любимый фрукт. Нужно выбрать апельсин или грейпфрут. А если все же выбрали банан, то есть его надо, нарезая кусочками, десертной вилкой.

Я запомнила советы, которые дал сэнсэй, и в декабре 1993 года отправилась в этнографическую командировку на Хоккайдо. Нас радушно принимал профессор Накамура, директор местного музея. Мы остановились в его доме. Утром Накамура-сан спросил, что из фруктов я предпочитаю на завтрак. Я четко, по инструкции Георгия Георгиевича Пермякова, заказала апельсин или грейпфрут. Профессор Накамура одобрительно улыбнулся, я была горда: не подвела Учителя.

На прекрасной коллекционной тарелке мне подали полукилограммовый грейпфрут с фигурно вырезанной макушечкой и невиданную мною прежде специальную ложку, величиной с чайную, но с длинной ручкой, с зубчиками по краям... «Довыпендривалась», — пронеслось в голове. Из-за стола я встала голодной. Профессор заботливо спросил: «Недостаточно сладкий грейпфрут?» Деликатный народ — японцы!

Георгий Георгиевич Пермяков был хорошим воспитателем. Он очень точно расставлял акценты: «что такое хорошо и что такое плохо». Авторитет его в группах, где велись занятия по японскому языку, был непререкаем. Сэнсэю подражали, и моя семья — не исключение. Я после занятий японским дома всегда рассказывала о нем. Иногда мой папа, с которым переводчик Пермяков, как я уже писала, был знаком давно, встречал меня возле школы, иногда заходил за мной. Папа брал с собой моего сына — Сережу. Георгий Георгиевич здоровался, иногда произносил шутливую фразу по-японски. Белобрысый Сережа смотрел на него во все глаза. А спустя некоторое время попросил: «Сделайте мне голову, как у деда Пермякова». Просьбы продолжались, мы побрили ребенка налысо... Через три-четыре дня полезла щетинка, голова кололась и чесалась. Сын требовал вернуть его волосы назад...

С благословения Г. Г. Пермякова Сережа говорит по-японски как носитель языка. Сэнсэй экзаменовал его девятого мая 2002 года. Вышло это случайно: мы семьей пришли поздравить Георгия Георгиевича с Днем Победы после военного парада. Дома его не застали: жена ответила, что он в школе. Оставили ей букет и с любимым Георгием Георгиевичем зефиром в шоколаде пошли «поздравляться». В школьном классе сидела разновозрастная группа. Георгий Георгиевич встретил нас бодро, сразу заговорил с Сережей по-японски. Сережа учился в начальной школе в Ниигате, отвечал свободно. Сэнсэй его похвалил и поставил в пример тем, кто был на занятии. Мы сфотографировались на фоне зеленой школьной доски. Это было последнее фото и последняя встреча моих детей с легендарным сэнсэем Георгием Пермяковым.

